

Достижения советской археологии¹

Археологические исследования в СССР с каждым годом разветвляются шире и интенсивнее. Вместо небольших обследований, характерных для первых лет советского периода, организуются систематические, из года в год продолжающиеся раскопки важнейших памятников прошлого, находящихся на территории СССР. С каждым годом государство отпускает всё больше и больше средств на работы советских археологов.

В короткой статье нет возможности с достаточной полнотой охарактеризовать даже самые важные результаты работы советских археологов. Они слишком для этого велики и многообразны. Подведение итогов осложняется еще и тем обстоятельством, что эти результаты в значительной мере остаются до сих пор достоянием весьма ограниченного круга специалистов: они не введены в широкий научный оборот и не играют в исследованиях истории нашей страны той роли, играть которую имеют все основания.

Надо с самого начала провести четкую грань между дореволюционной и советской археологией, так как у нас до сих пор об археологии продолжают судить по тем уже изжитым в среде советских археологов представителям формального вещеведения, какими до сих пор являются западноевропейские буржуазные археологи. Археологический памятник интересует советских археологов не сам по себе, а как источник исторического исследования. Не отбрасывая полностью сложившихся ранее приемов (методики) археологического изучения, советская археология не считает свою задачу ограниченной только добыванием памятников, их описанием, классификацией и датировкой и не противопоставляет цели археологического исследования целям всякого другого, основанного на иного рода источниках, исторического исследования. У археологии есть свой круг источников, своя методика работы над этими источниками, но нет никаких других задач, кроме тех, какие стоят перед марксистской советской наукой—историей. Советская археология занимается историей тех периодов общества, в изучении которых вещественные остатки прошлого являются если не единственными, то важнейшими источниками, и исследованием тех сторон в истории общества позднейших периодов, для освещения которых вещественные памятники имеют наибольшее значение.

Наиболее крупным в Союзе археологическим учреждением является Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, находящийся в системе Академии наук СССР. Ранее это была Академия истории материальной культуры, основанная Н. Я. Марром, гениальным, многосторонним ученым, первым подлинно советским археологом, направлявшим археологию в русло истории, стремившимся к увязке археологии с другими историческими дисциплинами. После смерти Н. Я. Марра, за годы хозяйничания в ГАИМК троцкистских бандитов и вредителей, археология была отгеснена в этом специальном археологическом учреждении на задний план. Вместо конкрет-

¹ Исправленная стенограмма доклада на заседании ООН АН СССР 27 октября 1938 г.

ного исторического знания в нем культивировался голый социологизм. Археология была объявлена ликвидированной как наука, старые кадры археологов были частью разогнаны, частью дезориентированы, новые не готовились. В эти годы археологическая работа велась контрабандой, под видом истории техники и т. д. и т. п. Всё это могло бы полностью дискредитировать археологию, если бы в составе ГАИМК не оставалось кадров, всецело преданных этой науке, которые, несмотря ни на что, сумели не только сохранить традиции археологического исследования в духе Н. Я. Марра, но и развить их в сторону еще большей близости с задачами марксистско-ленинской науки. Предоставленные самим себе, эти кадры не избежали вредных увлечений и ошибок, но теперь, оглядываясь назад, на пройденный ими, отнюдь не прямой, путь, всё же приходится оценить их работу положительно. Она выразилась не только в накоплении огромного фактического материала, но и в постановке и разрешении целого ряда первостепенной важности вопросов истории нашей страны.

Говоря о накоплении материалов, нельзя не отметить тех археологических работ, какие ведутся у нас на новостройках. В связи с интенсивным строительством в СССР—сооружением колоссальных заводов и новых больших городов, а особенно постройкой плотин мощных гидроэлектростанций, поднимающих уровень рек иногда на десятки метров и затопляющих громадные территории,—перед советской археологией стала весьма трудная задача исследования памятников прошлого, оказывающихся в зоне строительства. Правительство щедро финансирует археологические исследования в Советской стране и вменяет в обязанность новостройкам отпускать средства на предварительные археологические исследования в зонах производства строительных работ. Осуществляемое в связи с этим сплошное археологическое изучение больших территорий дает в высшей степени ценный материал для истории страны. Для примера можно указать на археологические исследования в зоне строительства Днепровской, Рыбинской и Куйбышевской гидроэлектроцентралей, на раскопки по трассам каналов: Беломорского, Москва—Волга, Волга—Дон, на исследования, произведенные в связи со строительством московского метро, и на целый ряд других подобных предприятий, обогативших советскую науку сотнями и тысячами новых памятников, новых фактов из прошлого советской страны.

В результате широко развернувшихся полевых археологических исследований накоплен большой фактический материал, который дает возможность пересмотреть многие, казалось бы, уже прочно установленные положения и поставить совершенно новые вопросы. Надо, однако, отметить, что освоение добытых и добываемых в поле материалов с целью исторического исследования отстает от накопления фактических данных. И здесь дело не только в том, что на это не обращено надлежащего внимания, что недостает соответствующих кадров. Весьма отрицательно в этом отношении влияет то, что мы задерживаемся с публикацией археологических материалов и не делаем их достоянием интересующихся этим материалом и желающих использовать его для своих исследовательских работ.

В силу той же причины—недостаточности публикаций—о достижениях советской археологии не осведомлена надлежащим образом и широкая общественность нашей страны. На археологию до сих пор иногда еще смотрят, как на забаву, и свысока третируют ее как «науку о битых горшках».

Особенно велики и показательны успехи советской археологии в области изучения древнейшей поры в истории человечества, периода дикости—палеолита. Достаточно указать, что в царской России было известно всего около 20 палеолитических местонахождений, тогда как теперь в Советском Союзе их зарегистрировано более 200. По количеству находок характерных для палеолитического искусства женских статуэток Советский Союз стоит на первом месте в мире. В царской России не было найдено ни одной палеолитической статуэтки, а теперь женские статуэтки, найденные в СССР, составляют не менее 75% всего количества известных памятников этого рода. Это одно достаточно характеризует широкий размах советских археологических исследований в области палеолита. Вместе с тем, нельзя не отметить еще и необычайной тщательности и точности методики, применяемой советскими археологами, позволившей им установить

такие факты в культуре палеолита, которые ускользали от западноевропейских археологов. Речь идет об остатках верхне-палеолитических жилищ, которые, благодаря исследованиям советских ученых, впервые стали известны науке. В Костенках, Боршеве, Гагарине, Тимоновке и в целом ряде других мест обнаружены остатки древнейших жилых сооружений в виде обширных впадин, снабженных большим количеством ям разнообразной формы и величины, служивших в качестве очагов, хранилищ и мест для сна, а также небольших по площади, но глубоких ям, повидимому, предназначавшихся для укрытия от зимней стужи. В свете этих данных быт охотников верхнего палеолита вырисовывается в новых очертаниях. Есть все основания утверждать наличие у них не только некоторой оседлости, но и объединенных одним жильем и общим хозяйством значительных коллективов.

Следует отметить, что местонахождения палеолита с такими же произведениями искусства, какие до недавнего времени считались специфической принадлежностью Западной Европы, открываются всё далее и далее на восток. В Сибири, вслед за замечательными находками в Мальте под Иркутском, палеолитические статуэтки найдены в Бурети на Ангаре. Происходящая отсюда статуэтка замечательна наличием изображения одежды, напоминающей одеяние современного туземного населения Арктики.

Последними успехами советской археологии в области палеолита является открытие в Крыму и на Кавказе местонахождений до-мустьерского возраста, ранее на территории СССР неизвестных, и открытие в 1938 г. остатков древнего мустьерского человека в Средней Азии. На этой находке следует остановиться ввиду ее особого значения. Аспирант ИИМК Окладников обследовал ряд пещер в долине р. Турган-Дарь в Узбекистане. В гроте Тэшик-Таш, около кишлака Мачай, обнаружены следы обитания древнего человека. Культурные наслоения содержали кости животных, отщепы и каменные изделия мустьерских типов. Здесь же были обнаружены остатки человеческого скелета (ребенка 7—8 лет). Предварительное ознакомление с этой находкой позволило антропологам констатировать сходство остатков человека из Тэшик-Таш с мустьерским человеком Западной Европы и Палестины, так называемым неандертальцем. Это вторая находка костных остатков неандертальца в нашей стране.

На основании указанных выше данных мы теперь вправе заключить, что, по крайней мере, юг нашей страны был заселен человеком еще в доледниковое и раннеледниковое время.

В высшей степени интересно и важно также открытие в 1938 г. остатков, вероятно, палеолитических гравюр и живописи на Азовском побережье. Работы по изучению этого рода памятников на месте еще не закончены, вследствие чего я не имею возможности осветить их подробнее.

Интересные и важные данные получены для времени конца древнекаменного века, т. н. эпипалеолита. Здесь особое значение представляют исследования в Крыму.

В пещере Мурзак-Коба были найдены два погребения эпипалеолитического возраста, причем у одного из скелетов крайние фаланги мизинцев на руках оказались отрубленными, что нельзя не поставить в связь с отпечатками человеческих рук, обнаруженных в Западной Европе на стенах пещер с палеолитическими находками и отличающимися как раз этим признаком—отсутствием крайней фаланги на одном или нескольких пальцах. Таким образом получила подтверждение гипотеза, что мы имеем здесь дело не с случайностью, а с обычаем или обрядом.

В свете собранных советскими археологами данных вырисовываются хозяйство, общественный строй и идеология древнейшего периода в истории человечества в их последовательных изменениях. Особенно важна постановка вопроса о связи возникновения *homo sapiens*'а с установлением экзогамии и началом матриархального рода. Возникновение матриархального рода советские археологи относят еще к верхнему палеолиту, к периоду охотничьего хозяйства, опровергая тем самым всякую связь этого типа общественной организации с развитием женского земледелия и доказывая всеобщий и закономерный характер этого этапа в развитии человечества; человеческое стадо и эндогамная кровнородственная семья точно так же увязываются с определен-

ными типами археологических культур и получают производственно-бытовую характеристику.

Не менее интенсивно изучаются в Советском Союзе памятники неолита и эпохи бронзы. Из археологических работ, произведенных в этих областях за последние годы, следует отметить: 1) исследования на Кольском полуострове, установившие заселение Арктики человеком, по меньшей мере, за 6 000 лет до н. э.; 2) обширные раскопки единственного в своем роде неолитического могильника на Большом Оленьем Острове Онежского озера, доставившие обильный и разнообразный материал в виде орудий и украшений, в том числе и произведений искусства (резные из кости и рога скульптурные изображения человека, головки лосей и пр.); 3) систематическое изучение петроглифов Карелии, представляющих большой и чрезвычайно яркий материал по искусству и идеологии эпохи неолита; 4) обследования и раскопки целого ряда поселений, относящихся к культуре ямочно-гребенчатой керамики, доставившие данные о хозяйстве и общественном устройстве оставившего их древнего охотничье-рыболовческого населения лесной полосы Восточной Европы; 5) открытие и изучение большого количества неолитических поселений и погребений в Сибири, позволивших разработать первую хронологическую классификацию этого рода памятников Сибири.

Я не имею возможности останавливаться на рассмотрении отдельных работ советских археологов, посвященных периоду неолита, времени перехода от дикости к варварству и ранней поре варварства. Отмечу только, что исследованиями в этом отношении охвачена, главным образом, средняя полоса европейской части нашей страны. Здесь, благодаря обилию накопленных материалов и тщательности некоторых из раскопочных исследований, имеется возможность внутри неолита различать не только территориальные, но и хронологические группы и типы и с достаточной полнотой на этом материале судить о хозяйстве, быте и даже общественном строе и идеологии неолитического общества. Отмечу весьма интересные и обстоятельные исследования о характере и способах рыболовства и охоты в период неолита, о неолитических орудиях и их функциях, о типах неолитических жилищ и о целом ряде других явлений, которые в общей совокупности обрисовывают перед нами общество неолитического периода как стоящее на матриархальной ступени родовой организации.

Если перейти затем к столь же краткой характеристике успехов советской археологии в области энеолита, времени появления металлов, то здесь в первую очередь следует указать на замечательные результаты, достигнутые в деле изучения известной Трипольской культуры расписной керамики, распространенной в западной Украине и связывающейся с Днестро-Дунайской культурой ленточной керамики. Советской археологии принадлежит честь окончательного выяснения назначения так называемых, «Трипольских площадок», которые большинство исследователей считало сооружениями культового характера. Это не что иное, как остатки (полы) больших, длинных домов, с несколькими очагами или печами в каждом, подобных длинным домам ирокезов, служивших для жилья большим матриархальным общинам. В прошлом году закончены раскопки целого поселения из таких домов, расположенных по кругу. Уже раскопано здесь 39 жилищ, причем удалось выяснить не только строительные приемы, применявшиеся при сооружении различных частей этого рода домов, но и устройство их в целом и во многих деталях. Далее, существенно отметить, что в результате исследования обширных материалов оказалось возможным и необходимым перевернуть с головы на ноги старую хронологию различных типов Трипольской культуры. Землянки, которые прежде считались древнее площадок, совершенно бесспорно должны быть отнесены к концу, а не к началу Трипольской культуры. О том, что из этого следует, нет надобности распространяться. Достаточно сказать, что прежнее представление о крушении Трипольской культуры расписной керамики в результате завоевания оказывается совершенно несостоятельным. Трипольская культура не была насильственно уничтожена: она переоформилась в связи с изменениями в хозяйстве и общественном строе, вместе с переходом от матриархата к патриархату.

Трипольская культура является древнейшей земледельческой культурой в европейской части Союза. Она представляет южную параллель лесным охотничье-рыболов-

ческим культурам неолита и интересна в особенности с точки зрения вопроса о значении скотоводства в преобразовании культуры и общества. С ростом скотоводства трипольская культура изменяет свои признаки; большие дома исчезают и заменяются семейными землянками, керамика грубеет, расписная орнаментация на них исчезает. Трипольские поселения распространяются к югу и юго-востоку, выходя за границу лесостепи.

Буржуазные ученые, отмечая исчезновение расписной посуды, считали это признаком культурного упадка, деградации, объясняли этот факт вторжением нового народа. В частности, германские националисты типа Коссина, а вслед за ним и фашистские лжеученые пытались доказать, что германцы, разрушив трипольскую культуру, распространили свое творческое влияние на восток, в Поднепровье и Причерноморье. В действительности никакого крушения Трипольской культуры не было; имело место не нашествие нового народа, новой расы, а преобразование культуры в связи с изменением хозяйства и общественности. Та новая культура, которая сформировалась на месте Триполья, обнаруживает тесную близость с культурой, распространенной в то же время в степной полосе. И это естественно, так как тип хозяйства и там и тут в то время был близко сходным. Наоборот, в западных пограничных районах Триполья появляются элементы, связывающие ее с Повислянием и опять-таки объясняющиеся общностью хозяйственной жизни населения этих местностей.

Археологическими исследованиями за годы советской власти установлено наличие на территории СССР ряда новых культур периода бронзы и весьма существенно уточнены сведения о культурах этого периода, известных ранее. Так называемая Фатьяновская культура Волго-Окского междуречья, например, прослежена значительно дальше на восток. Замечательный по богатству и сохранности инвентаря могильник фатьяновского типа открыт близ д. Баланово в Чувашской АССР. Здесь найдено большое количество предметов из бронзы, что, видимо, следует объяснить близостью к источнику металлургического сырья—Уралу. Новая культура бронзы—Абашевская—обнаружена в Чувашии же на границе леса и степи.

Наиболее значительные результаты достигнуты исследованиями памятников периода бронзы в степной полосе. Помимо раскопок большого количества погребений, освещающих новые территории и представляющих новые варианты культуры периода бронзы на разных этапах ее развития, замечательно открытие в степной полосе большого количества поселений оседлого типа. Оказывается, степи вовсе не всегда были достоянием кочевников; раньше, чем сложилось кочевое скотоводство, население степей, группировавшееся в долинах степных рек, жило оседло и занималось земледелием и скотоводством.

В связи с этим советские археологи заинтересовались вопросом о возникновении кочевого скотоводства. Если в период бронзы, т. е. во II тысячелетии до н. э., степи были заселены по речным долинам оседлым земледельческо-скотоводческим населением, то, очевидно, возникновение кочевого скотоводства как системы хозяйства и быта относится к более поздней поре. Действительно, в I тысячелетии до н. э. указанные выше поселения в степной полосе уже исчезают. Погребения появляются не только возле рек, но и на водоразделах и даже, как правило, размещаются на наиболее высоких местах степи. Это свидетельствует, что степи были освоены кочевым скотоводством; новый тип хозяйства вытеснил оседлость. Естественно поставить вопрос о причинах перехода от оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому. Ответ на него надо искать, конечно, в росте скотоводства, но не самого по себе, а в связи с утверждением нового типа общественных отношений—патриархальной семьи.

Не менее интересно установление времени и этапов заселения Кавказских гор. Судя по археологическим данным, высокогорные районы были освоены человеком только в конце периода бронзы, в связи с развитием овцеводства. За последние годы достигнуты весьма существенные успехи в изучении ранее вовсе неизвестной культуры поздней бронзы в восточной части Северного Кавказа, оказывающейся тесно связанной с культурой восточной части Закавказья. Кобанская культура всё больше и больше освещается в ее связях с восточным Причерноморьем, с Колхидой.

Впервые освещается вещественными памятниками древнейшая история Колхиды. В колхидской низменности обнаружены остатки оригинальных деревянных сооружений, близко отвечающие описанию колхидской архитектуры у Витрувия, но сопровождаемые вещами, которые связываются по времени с Кубанской культурой Кавказа, а частично должны быть датированы и еще древнее.

Большие археологические работы проведены в Закавказье по выявлению и изучению памятников Урартского периода. Кроме крепостей, построенных здесь урартскими царями для закрепления своего господства над завоеванными племенами, изучались также и многочисленные укрепленные поселения туземных общин, а равным образом и связанные с этими поселениями могильники. Советской археологией накоплен уже значительный материал для характеристики урартской культуры и ее влияния на культурное развитие Закавказья и северного Причерноморья. Последней находкой этого рода являются замечательные золотые и серебряные вещи, происходящие из могильника близ селения Цалка в Грузии. С большой отчетливостью вырисовывается роль Урарту в формировании культуры архаической Скифии. Целый ряд мотивов скифского звериного стиля разъясняется в своем происхождении из Урарту.

Проблема киммерийцев, скифская культура и так называемый скифо-сибирский звериный стиль издавна привлекают к себе внимание мировой науки. Советские археологи не упускали из виду и этой проблемы. Из целого ряда находок, сделанных за советский период, отметим в этой связи только наиболее замечательные. Это, во-первых, инвентарь знаменитой ледяной могилы в Пазырыкском кургане на Алтае и курганы гуннской эпохи в Монголии и Забайкалье. Благодаря вечной мерзлоте, образовавшейся в ограбленной еще в древности могиле Пазырыкского кургана, прекрасно сохранились не только дерево, кожа, ткани, войлок, но и трупы коней, убитых и похороненных вместе с умершим. Совершенно исключительный интерес вызывают найденные здесь войлочные маски для коней, в виде рогов, соединенных с типичным изображением борьбы зверей.

В советской археологии установился взгляд на скифское общество, в общем, как на военную демократию. Вместе с тем, на основании археологических данных имеется возможность разделения «скифов» на ряд региональных групп, у которых темпы социально-экономического развития были далеко не одинаковыми. В степях Приднепровья и Крыма в связи с постоянными сношениями с античным миром складывается рабовладельческое скифское общество. Хотелось бы обратить внимание на одну чрезвычайно любопытную деталь, сопровождающую превращение военной демократии в государство у степняков-скотоводов, а именно появление сравнительно многочисленных оседлых поселений, — иначе говоря, связь этого явления с оседанием части кочевников.

Систематически производятся раскопки античных городов—древнегреческих колоний в северном Причерноморье. Ольвия, Херсонес, Фанагория и некоторые другие менее значительные города доставили большой материал для изучения античного города, его хозяйства, быта, искусства.

Несомненный интерес вызывают открытые за последние годы в небольших Боспорских городах — Дии и Мермикие—многочисленные рыбозасолочные цистерны и винодельни, содержащие по несколько прессов, а в Ольвии—кузнечная мастерская и пекарня с печами и принадлежностями для размола и хранения зерна и муки. Особенно важны впервые учтенные материалы о роли туземного населения в жизни греческих колоний Причерноморья в разное время их существования. В Ольвии, Херсонесе и Фанагории в городских некрополях найдены туземные архаические погребения со скорченными костяками, а в Ольвии, кроме того, выделен целый большой разряд и более поздних скифских могил. Интересны открытые в Тиритаке антропоморфные статуи, принадлежащие до-греческому населению этих мест.

Наряду с исследованием античных городов, греческих колоний, раскапываются и туземные поселения того же времени. Особенно важны раскопки городища у ст. Елизаветинской, на Кубани, где, помимо прочего, удалось раскрыть целую усадьбу ремесленника-гончара. В результате обширных обследований выясняется любопытная

картина развития оседлости в скифо-сарматскую эпоху. На месте зимних стоянок кочевников появляются дома и укрепления, а затем в окрестностях возникают более или менее многочисленные постоянные поселения с сельскохозяйственным населением. Целый комплекс таких поселений обследован в низовьях р. Дона, в окрестностях скифского города Танаиса. Возникновение сельскохозяйственного оседлого населения в среде кочевников Причерноморья, без сомнения, связано с углублением социально-экономической дифференциации внутри туземных обществ.

Особенно интенсивно разрабатывается в советской археологии материал, относящийся к эпохе формирования современных народов СССР. Задача создания такой истории СССР, в которой каждый из входящих в состав Союза народов был бы представлен в соответствии со своим действительным значением в общем историческом процессе и, вместе с тем, во всем своеобразии своей этнической культуры, выдвигает перед советскими историками ряд совершенно новых задач, разрешить которые возможно только с привлечением к данным письменности вещественных остатков прошлого разных народов советской страны.

Советская археология добилась уже значительных успехов в деле изучения дофеодалного периода Восточной Европы. Особенно много сделано для исследования культуры так называемых Дьяковых городищ, т. е. тех многочисленных укрепленных поселений родовых общин, которые были распространены в лесной полосе Восточной Европы, начиная, примерно, с половины I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э. Важнейшим результатом исследования этого рода поселений, в связи с более ранними и более поздними памятниками, следует считать, во-первых, выяснение основных этапов в развитии хозяйства в лесной полосе нашей страны: переход от рыболовства и охоты к скотоводству и земледелию, причем последний вид производства в конце концов занимает доминирующее положение и с распространением пашенного способа земледелия обуславливает новые формы расселения—неукрепленными деревнями, и образование уже не родовых, а территориальных общин. Вторым важным результатом указанных исследований является установление основных черт процесса формирования тех культурных единств, которые в дальнейшем, в письменных известиях, выступают уже как особые этнические образования. Последний результат в особенности важен еще и потому, что в науке принято было этнические особенности рассматривать как постоянные, неподвижные, неизменяющиеся категории. Результаты исследований советских ученых показывают как раз обратное, а именно, что этнос—такое же историческое образование, как, скажем, государство. Племя или народ не только меняют свои границы, но и признаки, и притом вовсе не обязательно вследствие насильственного воздействия извне.

Из ныне уже не существующих, но некогда живших на территории Союза и игравших важную роль в историческом развитии народов советская археология занималась изучением близких родственных между собой хазар и болгар. Раскопки хазарской крепости Саркел на Дону дали возможность установить не только первоначальные формы этого сооружения, возведенного хазарами при участии византийских инженеров в 934 г., но дальнейшую историю ее, уже как города с преобладающим русским населением, в XI в. колонизовавшим Подонье. В Поволжье раскапывался болгарский город Сувар, где были открыты остатки неоднократно перестраивавшегося дворца.

Выдающиеся успехи достигнуты советскими археологами в Средней Азии, особенно в области изучения до-мусульманского Хорезма. Открыты развалины замков и укрепленных дворцов, интересные и по своей архитектуре, совпадающей с изображением осажденного замка на известном серебряном блюде, которое до сих пор считалось происходящим из сасанидского Ирана, но которое, вероятно, надо признать хорезмийским, и не менее интересные и важные для изучения истории и социального строя этой страны. Благодаря сухости почвы в развалинах сооружений прекрасно сохранились зерна различных культурных растений, клочья ваты, куски войлока, кожи, части одежды и т. п. Собранная здесь большая коллекция монет позволяет внести целый ряд новых данных в политическую и культурную историю до-мусульманского Хорезма. Много нового для исследования отношений между кочевым и оседлым населением Средней

Азии дало изучение оборонительных сооружений в виде длинных стен, находящихся на границе земледельческих оазисов.

Не менее интенсивно ведется археологическая работа над средневековыми памятниками Кавказа и Крыма. Из археологических предприятий в Армении отметим раскопки города Двина и замка Анбред, в Грузии—раскопки Дманиси. В Крыму интересный материал дает средневековый Херсонес и древний город Эски-Кермен. На территории древней Руси особенно важны раскопки небольшого города, ныне носящего название Райки. Кремль этого города был раскопан целиком и дал весьма яркую картину не только хозяйства и быта XII—XIII вв., но и гибели города и его населения в результате вражеского нападения. Раскапывались и раскапываются и другие древнерусские города: Киев, Вышгород, Старая Ладога, Новгород, Владимир, Суздаль, Рязань, Тверь и др. В них собран большой и разнообразный материал, позволяющий составить отчетливое представление о древнем городе и о различных сторонах древнерусской культуры.

В короткой статье невозможно перечислить даже самые важные из работ советских археологов и осветить результаты их исследований. В советской стране, в связи с возросшим культурным уровнем широких народных масс, вопросы истории и археологии привлекают всеобщее внимание. Советская археология—не наука о древних вещах как таковых, не пособие для любителей и коллекционеров,—это один из разделов истории, охватывающий до-письменный и ранне-письменный периоды в развитии человечества, всесторонне изучаемый на основании наиболее объективных документов—вещественных остатков прошлого, безразлично—принадлежат ли они к произведениям высокого искусства или грубого ремесла, сделаны ли они из драгоценных металлов или из не представляющих никакой ценности материалов, являются ли они предметами производства или только отбросами, характеризующими технику и условия, в которых эти производства совершались, орудия ли это труда или принадлежности повседневного быта, остатки ли это пищи или сгустки идеологических представлений. Советская археология не гонится за сенсациями и экзотикой, она занята большой и благодарной работой по изучению прошлого своей страны, прошлого тех народов, которые на равных правах входят в Советский Союз. Советская археология не нуждается в рекламной шумихе; она делает нужное дело и уверена в признании своей полезности и в обеспеченности своего существования и дальнейшего развития.

М. Артамонов

Научно-исследовательская работа керченского Историко-археологического музея им. А. С. Пушкина в 1937—1938 гг.

Керченский Историко-археологический музей им. А. С. Пушкина, много лет подряд ведущий раскопки на Камышбурунской новостройке совместно с Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, в 1937 г. в поисках оборонительных стен Тиритаки обследовал юго-восточную часть плато, занятого городищем Тиритаки.

В этом месте—крутой обрыв к плавням, остаткам бывшего здесь в древности большого морского залива между двумя высокими мысами, из которых Камышбурун занят Тиритакой, а противоположный ему возвышенный берег—Нимфеем. Попытки найти на этом плато оборонительные стены не увенчались успехом. Неожиданно открыты в этом месте остатки христианской базилики, по всем данным, VI в. н. э.

Храм был построен на возвышенном месте, откуда он далеко был виден с моря. В римскую эпоху I—II в. н. э. здесь процветало большое рыбное хозяйство. Южная стена базилики и стена южного нефа прорезают рыбные цистерны большого рыбозасолочного комплекса из 6 ванн, занимая днища их и перекрывая их поперечные стенки. На одном уровне с ваннами, примыкая с северо-востока, размещалось еще 6 больших глиняных кадей-пифосов, очевидно, также обслуживавших рыбное хозяйство